

чественная, массовые необоснованные репрессии 30—40-х годов и бюрократизм, давивший экономику и культуру страны. Во всех трех на первый план вышли проблемы нравственности, что и придало творчеству Высоцкого свойственное ему звучание, вызвав поистине всенародный отклик признательности.

В произведениях о Великой Отечественной у Высоцкого, в свою очередь, выделяются по значению три темы: беспримерный подвиг советского воина (с любимыми погони на плечах — от солдатских до маршалских), земной поклон тяжелой солдатской страде, которая и сделала возможным упомянутый подвиг, наконец, особая тема — гуманность отношения к людям, попавшим на войну в беду, прежде всего к нашим солдатам, оказавшимся в фашистском плену (не перебежчикам, не трусам, а попавшим в плен при поражениях наших войск, с катастрофическими последствиями — особенно в начале войны), а также «загравшим» в штрафные батальоны смертников.

ется на волю второе «я» в обличье подателя... Искренню, похороню, зарю, очистишь, ничего не скрою я. Мне чуждо это «я» мое второе. Нет, это не мое второе «я».

Но, разумеется, и не это, сформулированное не менее хлестко и едко:

«Ну, о чем с тобой говорить? Все равно ты порешь аксиому. Лучше я пойду к ребятам пить — у ребят есть мысли поважнее. У ребят серьезный разговор. Например, о том, кто пьет сильнее. У ребят широкий кругозор — от ларька до нашей бакалеи. Разговор у нас и прям, и груб, все проблемы мы решаем глоткой: где достать недостающий рубль и кому потом бежать за водкой. Ты даешь мне утром хлебный квас. Что тебе придумать в оправданье? Интеллекты разные у нас. Повышал свое образование».

Если поверить этой алгеброй нашу семейно-бытовую и компанейски-досуговую гармонию — то, мне кажется, впору согреть со стыда! Ведь подобные речи ведут не только вконец опустившиеся алкаши вроде героев песни Вани с Зиной, но и люди, претендующие на звание интеллигентных, с презрением воротящие нос от пьяни. Напрасно отворачиваются: Ваня с Зиной — их ближайшие родственники, братья по разуму, сестры по чувствам.

Высоцкий дает по этому «другому ин-

раз в месяц, а раз каждый день и даже порой раз каждые три часа. И началась эпидемия, конца которой пока не видно...

Высоцкий, в силу своего характера и как ни парадоксально — особенности своего таланта, оказался совершенно незащищен перед такой напастью. Куда бы он ни пришел, радостно встречавшие его поляны и древляны, вятичи и кривичи XX века от чистого сердца, как принято, встречали и провожали его стаканом водки, уговаривали, упрасивали, умоляли, если он отказывался. И никому не приходило в голову, что они убивали его, приближали его конец. Все это, повторявшееся сотни, если не тысячи раз, детально описано в песне «Случай в ресторане»:

«...И многих помня с водкой пополам, не разобрав, что плещется в бокале, я улыбаясь подходил к столам и отзвываясь, если окликали... Я ахнул залпом и разбил бокал. Мгновенно мне гитару дали в руки. Я три своих аккорда перебрал, зашел и запил от любви к науке... И обнимая женщину в колье, и сделав вид, что хочет в песню вжиться, задумался директор ателье о том, что завтра скажет сослуживцам. Он предложил мне позже, на дому, успев включить магнитофон в портфеле: давай дружить домами! Я ему сказал: давай, мой дом — твой дом моделей... Ну, что ж, мне по делам и поделом. Не мы — лишь первые пятерки получают. Не надо подходить к чужим столам и отзвываясь, если окликают».

Чем это кончилось, тоже довольно подробно описано в песне, которую по силе отчаяния впору поставить рядом с «Черным человеком» Есенина:

«У меня запой от одиночества. По ночам я слышу голоса. Слышу вдруг — меня зовут по отчеству. Глянул — черт. Вот это чудеса!.. Все кончилось, светлее стало в комнате. Черта я хотел опохмелять. Но растворился черт, как будто в омуте, я все жду, когда придет опять. И я не то чтоб чокнутый какой, но лучше с чертом, чем с самим собой».

И все же, смертельно раненный своим супостатом, Высоцкий успел нанести ему столько разящих ударов, сколько сумел. Он высмеял нашу дику «алкогольную цивилизацию» и наши постыдные «питейные традиции» так же беспощадно, как и все дикое, постыдное в нашей жизни.

«Сосед вторую литру съел, и осовел, и опсвел. Он захотел, чтоб я пошел — зря что ль поили? Меня схватили за бока два здоровенных мужика: играй, подлжога, пой, пока не удавили!.. Потом пошли плясать в избе, потом дрались не по злобе. И все хорошее в себе доистребили».

К сожалению, современный городской образ жизни не только не сделал возможным более частое появление Великой Дружбы и Великой Любви. Он породил социальный тип потребителя, который абсолютно равнодушно относится не только к случайным прохожим, но также к своим родным и близким, включая тех, кто в них всю душу вложил и в них души не чавет. Из крупного города этот тип массовым тиражом расселился по малым городам и деревням, где встречался и прежде, но очень редко, потому что традиционный сельский образ жизни эгоизму и паразитизму большого простора не давал.

Да вы и сами наблюдали упомянутый социальный тип сотни раз — и в мужском, и в женском варианте (возможно, даже просто с помощью зеркала). Главное — «нажраться» (не прошу извинения за грубое слово, поскольку оно наиболее точно отображает в данном случае характер поглощения пищи), заглотить все, до чего дотянется рука, включая спиртное, и оставить после себя заваленный объедками стол и гору грязной посуды. Затем — напильник на себя что-либо возможно более модное, ради чего без тени смущения пойти на любую подлость, на любое унижение. Комната или гостиничный номер после одной секунды пребывания описываемого фрукта обязательно превращается в бедлам, а спустя некоторое время — в отвратную мерзость запустения. Все свободное от заглатывания или кривлянья перед зеркалом время типаж проводит в «балдении» от модных ритмов — не решаемся сказать: музыки — и зрелищ, обычно в компании себе подобных. Между делом отправляет свои естественные надобности, в том числе и половые. Запросто может проделать это с человеком, который имел несчастье полюбить, довериться, рассчитывать на взаимность. Справит надобность, вытрет ноги, как о подстилку, и пойдет дальше. Повторяем: и в мужском, и в женском варианте.

Но ведь такие люди хуже крыс! Это — сущее несчастье для человечества. Пока что эгоизм одних в какой-то мере уравновешивается альтруизмом других — обычно родителей или любящих женщин. А порою складывается впечатление, что подающих на стол все меньше, тогда как «заглатывателей» — все больше. И что же произойдет, когда последние пойдут сплошняком? Ведь это все равно, как если бы человечество начало вдруг состоять из одних холостяков. Жутчайший конец стал бы лишь вопросом времени.

В этих условиях особенно важен нравственный ориентир в отношениях между людьми. Использовать ближнего своего в

качестве подстилки, о которую вытирают ноги, подменять дружбу «выгодными связями», а любовь — отправлением известных надобностей — это что, достойно подражания? А Настоящая Любовь, Настоящая Дружба, самоотверженность, бескорыстие, преданность, порядочность — это что, достойно поругания? Нет, и здесь тоже нужен авторитетный голос, рассказывающий людям, что такое хорошо и что такое плохо в отношениях между ними.

Поэты испокон веков брали на себя эту важную миссию. Можно даже сказать, что каждый Настоящий Поэт обязательно писал о Настоящей Дружке и Настоящей Любви. Высоцкий не был в данном отношении исключением. Можно лишь отметить, что у него тема Великой Дружбы занимает большее место в творчестве сравнительно с темой Великой Любви, не жели у большинства других выдающихся поэтов. Но эту особенность его жизни и творчества вряд ли можно поставить ему в минус. Тем более что о любви у него тоже — прекрасные строки.

Лирика Высоцкого занимает особое место в его творчестве. Но она также «работает» на формирование нравственной атмосферы общества.

СБОРНИК текстов песен Высоцкого под названием «Нерв», выпущенный в 1981 году издательством «Современник», завершается песней «Корабли», где поэт обещает: «Я, конечно, вернусь и в друзьях, и в мечтах. Я, конечно, спою — не пройдет и полгода». Этими строками завершались и многие воспоминания о Высоцком. Мы немного отступим от традиции и в заключение постараемся показать, что поэт ошибался: ему не нужно возвращаться к нам ни через полгода, ни вот теперь уже почти через десять лет по той поистой причине, что он от нас никуда не уходил, его песни остались с нами.

Есть у Высоцкого две песни, которые по накалу исполнения особенно потрясали аудиторию, — «Охота на волков» и «Где вы, волки?» Если рассматривать их как протест против распространного у нас хищничества под видом «любительской охоты» (протест, к которому многие, в том числе и автор этих строк, страстно присоединяются), то непонятно, почему обе песни вызвали такую горячую реакцию слушателей: как никак, убивают-то ведь не друга человека — собаку, а его злейшего врага, хищника. А вот если понимать содержание песен шире, не как плач по волкам, — как обращение к нам с вами, как напоминание о том, чего не вычеркнешь из истории и что ни под каким видом не должно повториться...

«Идет охота на волков, идет охота, на серых хищников, матерых и щенков. Кричат загонщики и лают псы до рвоты. Кровь на снегу и пятна красные флажков. Не на равных играют с волками егеря. Но не дрогнет рука. Оградив нам свободу флажками, бьют уверенно, наверняка. Волк не может нарушить традиций. Видно, в детстве — слепые щенки — мы, волчата, сосали волчицу и всосали: нельзя за флажки».

«К лесу. Там хоть немногих из вас сбегу. К лесу, волки, труднее убить на бегу. Унесите же ноги, спасайте щенков! Я мечусь на глазах полупьяных стрелков и скликаю заблудшие души волков... А на татуированном кровью снегу тает роспись: мы больше не волки».

Можно написать две пространные публицистические статьи под заглавием «Нравственность и новое мышление в период перестройки общества». А можно написать и спеть на пределе эмоций такие вот песни, как две эти. Суть и смысл — одни и те же, а вот по воздействию на аудиторию песни Высоцкого — неизмеримо сильнее.

Высоцкий продолжает борьбу против черных сил зла и в годы перестройки.

А уж если завершать «открытие Высоцкого» (которое у каждого — свое) песней, то я выбрал бы такую:

...Только в грезы нельзя насосем убежать:
Краткий миг у забав — столько боли вокруг!
Попытайся ладони у мертвых разжать
И оружие принять из натруженных рук.
Испытай, заведя еще теплым мечом
И доспехи надев, что почем, что почем!
Разберись, кто ты — трус или избранник судьбы.

И попробуй на вкус настоящей борьбы!
Эти строки — как краткий конспект завещания, оставленного нам Высоцким в его усилиях содействовать формированию нравственной атмосферы общества, которая надежно противостояла бы атмосфере «культы личности», волюнтаризма или застоя. Завещание одного из первых «прорабов перестройки», которую мы ведем сегодня в борьбе со всеми и всякими «антиперестроечными» силами.

Игорь БЕСТУЖЕВ-ЛАДА.

ОТКРЫВАЯ

ОСОБАЯ ТЕМА — нравственное состояние нашего общества.

От хулиганья нет прохода. Пьянчуги оккупировали все детские и лестничные площадки (с древнейших времен и до сегодняшнего дня, когда пишутся эти строки). Злойбой дня стала преступность: как прочитаешь еженедельную сводку по городу в «Московском комсомольце», так на всю неделю оторопь берет. А когда прочитаешь о том, какой процент абитуриентов наших тюремных учреждений неизменно становятся рецидивистами — да еще обогатившись в местах заключения личными связями, пройдя «переподготовку» и восстановив пошатнувшееся в пьянках здоровье, — берет уже не оторопь, а страх.

А тем временем с экрана телевизора и со страниц периодики льется поток невнятицы. Оказывается, вся беда в том, что мы «запустили воспитательную работу», плохо «работаем с людьми», не уделяем должного внимания «воспитанию сознательности». Ведь как просто — надо разъяснить людям, что хулиганить стыдно, пить — вредно, убивать и грабить — всю жизнь потом раскаиваться будешь.

Эх, нет на наших либералствующих витий Салтыкова-Щедрина! Но есть Высоцкий, который конспектирует межумочные речи: «Теперь позвольте пару слов без протокола. Чему нас учат семья и школа? Что жизнь сама таких накажет строго. Тут мы согласны, скажи, Серега? Он протрезвеет и, конечно, тоже скажет. Пусть жизнь осудит, пусть жизнь подскажет. Так отпустите, вам же легче будет, и чему возиться, коль жизнь осудит?»

Невозможно попасть в компанию, где бы не хвастались друг перед другомграничными шмотками и где какой-нибудь счастливчик, вызывающий общую зависть, не рассказывал бы о том, как он провел целый день в Доме журналистов на Золотых песках в Болгарии или хотя бы слышал, как кто-то рассказывал, что кто-то провел целый день на этих самых песках. И все слушатели, как теперь принято говорить, в отпаде. Все, кроме Высоцкого, который ехидно комментирует такое фанфаронство:

«...Куда мне до нее, она была в Париже. Ей сам Марсель Марсо чего-то говорил... Но что ей до меня, она уже в Варшаве, мы снова говорим на разных языках... Ведь она сегодня здесь, а завтра будет в Осле. Да, я попал впросак. Да, я попал в беду. Кто раньше с ней был и кто с ней будет после, пусть пробуют они, я лучше пережду».

— Нет, вы обо мне напрасно плохо думаете, — продолжает разглагольствовать фанфарон. — Я человек высоких принципов, но что делать? Жизнь заставляет идти на компромиссы с совестью и с принципами. Работа, знаете ли, служба, жена, дети...

Салтыков-Щедрин говорил в таких случаях: «применительно к подлости». Высоцкий выступает с песней: «И вкусы, и запросы мои странны. Я экзотичен, мягко говоря: могу одновременно грызть стаканы и Шиллера читать без словаря... Я лишнего и в мыслях не позволю, когда живу от первого лица. Но часто вырыва-

теллекту» короткую, но разящую наповавал пулеметную очередь:

«Стремилась вечно душа твоя — родиться вновь с мечтою. Но если жил ты, как свинья, — останешься свиньей».

И, как живой, продолжает спрашивать нас:

«Как у вас там с мерзавцами? Бьют? Поделом. Ведьмы вас не пугают шабашем? Но не правда ли, зло называется злом даже там, в Светлом будущем нашем?»

Не хотелось бы завершать предпринятое путешествие по «временам и нравам», не упомянув еще об одном социальном явлении, о котором обычно предпочитают стыдливо умалчивать, потому что в нем Высоцкий предстает одновременно и как сатирик-обличитель, и как жертва. Речь идет об эпидемии алкоголизма, нарастающей исподволь, многими десятилетиями, обострившейся в послевоенные годы и обрушившейся на нас настоящим общенародным бедствием, чумой XX века как раз в 60-е—70-е годы.

Высоцкий стал одним из многих миллионов и далеко не единственным среди наших поэтов, кто пал жертвою эпидемии алкоголизма. Он тяжело болел долгие годы, месяцами находился на излечении в больнице. Кто знает, что и сколько он успел бы еще дать людям, если бы не эта болезнь и преждевременная смерть? Нам повезло, правда, что рядом с ним оказалась женщина, жена, которая приняла на себя всю тяжесть ухода за таким больным и подарила нам лишние двенадцать лет его короткой жизни. Во всяком случае, на его письменном столе в день его смерти нашли текст последней песни, посвященной Марине и завершающейся подведением итога жизни:

«Мне меньше полувека, сорок с лишним. Я жив, двенадцать лет тобой и господом храним. Мне есть что спеть, представ перед всевышним. Мне есть чем оправдаться перед ним».

Что касается характера болезни Высоцкого, то она коренилась в особенностях нашей алкогольной цивилизации, с древнейших времен предписывавшей «отмечать» каждое выдающееся событие в жизни чашей, затем чаркой и, наконец, стаканом крепкого спиртного. Веками такого рода возлияния, как и все прочее в труде, быту, на досуге, носили строго ритуальный характер и жестко регламентировались традициями, нравами, обычаями. Питейные традиции приурочивали пьянки только к определенным «торжественным случаям», за пределы которых выпадали лишь считанные единицы пьянчуг, служивших как бы «наглядным пособием», как не надо себя вести, для подрастающего поколения данной округи.

Но вот, мы тоже говорили об этом, рухнули вековые традиции, нравы, обычаи. Не стало сдерживающих препон и поддерживающей их армии в лице целого батальона тещ, свекровей, золовок, невесток, бабок, прабабок и прочих членов сложной семьи старого типа, которые вовремя останавливали зарвавшегося и быстро приводили его в первобытное состояние. Впервые в истории человечества стало возможным устраивать «торжественные случаи» с пьянкой не